

К 84
К 78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

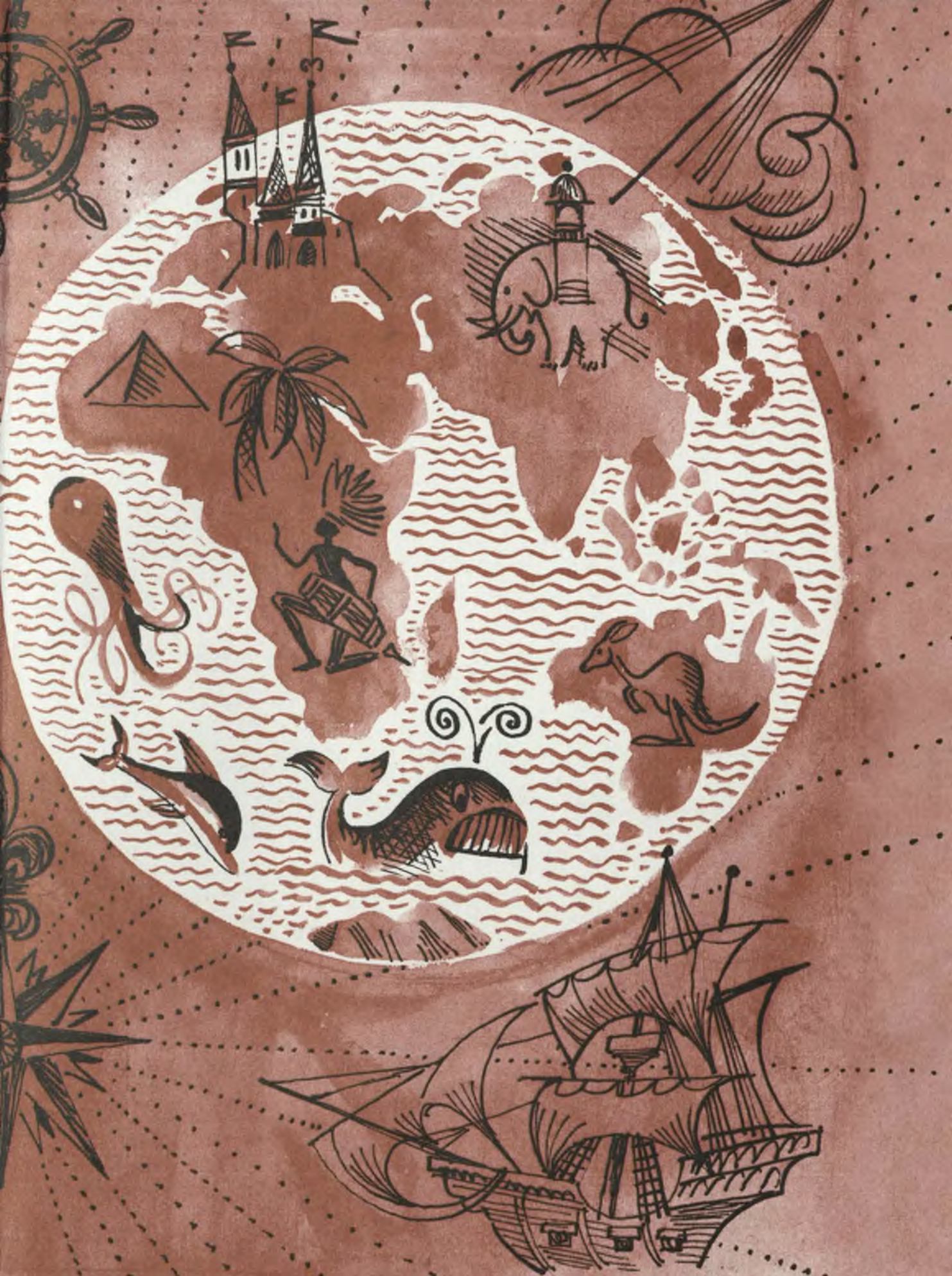
ЖУРАВЛЁНОК И МОЛНИИ





516400

СОБД и Ю
Отдел хранения







K84
K78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ЖУРАВЛЁНОК И МОЛНИИ

Роман для детей и взрослых

516400



Рисунки Е. Медведева

Москва
Издательский Дом Мещерякова
2014

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6
К77

Крапивин В. П.

К77 Журавлёнок и молнии : роман для детей и взрослых / Владислав Крапивин ; рис. Евгения Медведева. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2014. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-91045-664-2

Невозможно угадать, когда ударит молния. Она всегда бьёт слепо и неотвратимо. Именно так, неожиданно, приходит беда. Как выстоять в трудную минуту? Как остаться самим собой, не предать, найти силы помочь другому в тот миг, когда самому приходится туго? На такие вопросы должен ответить герой романа Владислава Крапивина «Журавлёнок и молнии». Это книга о дружбе и первой любви, о поиске своего пути, о верности и предательстве, о том, что в жизни всегда есть выбор и только от тебя самого зависит, каким он будет.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91045-664-2

© Крапивин В. П., текст, 1981
© Медведев Е. А., иллюстрации, 1985
© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2014



Моей жене Ирине

ВСТУПЛЕНИЕ

Журавлёнок

Накануне было пасмурно и зябко. Но вечером прорезался под тучами ясный закат и потеплело. Утро наступило сверкающее. Глянешь на улицу — и сразу понятно: день будет солнечный и жаркий.

Вера Вячеславовна распахнула все окна и пошла выгонять из кровати засоню Иринку. Но Иринка, оказывается, не спала. Она стояла босиком перед зеркалом и задумчиво показывала себе язык. Увидев маму в зеркале, Иринка повернулась на пятке и сказала:

ВСТУПЛЕНИЕ

— Помню, помню, помню: «Сегодня суббота, большой аврал, никаких отлыниваний, никаких срочных дел...» Только не корми меня с утра яичницей, я от неё теряю работоспособность.

Вера Вячеславовна засмеялась. Она заметила, что нельзя потерять то, чего нет, и погнала Иринку умываться.

В квартире было просторно и тихо. Щёлкали старые часы.

— А где папа?

— Раным-рано ушёл в мастерскую, у него сегодня худсовет... Поджарить колбасу с горошком?

После завтрака Иринка лихо двигала стулья, хлопала во дворе половики, протирала подоконники и карнизы. В своём чёрном купальнике она носилась из комнаты в комнату и была похожа на ласточку. Это удивляло Веру Вячеславовну. Не то, что дочь похожа на ласточку, а то, что в ней прорезалось с утра такое трудолюбие.

Впрочем, Иринка успевала и дурачиться. Обмотала себя шлангом гудящего пылесоса и закричала:

— Мама! Смотри, я воюю с кровожадным драконом! Он обвил меня своей длинной шеей!

— Перестань терзать пылесос! Чисти ковёр — или увидишь настоящего дракона. Я сама в него превращусь.

— Нет, — возразила Иринка. — Ни в кого ты не превратишься, ты меня любишь. В крайнем случае скажешь: «Человеку, перешедшему в пятый класс, пора избавляться от детсадовских привычек...»

— Я вот тебя веником...

Иринка захохотала, и они с «драконом» накинулись на ковёр...

Но к полудню Иринка сразу как-то выключилась. То ли устала, то ли ей надоело. Она притихла, ушла в свою комнату и вдруг появилась в новых белых сандалетках и белом платье с синими горошинами — самом нарядном и любимом. Чинно села у стола.

— Ты уже собралась? — удивилась Вера Вячеславовна.

— Куда? — насторожилась Иринка.



— Что значит «куда»? Мы же договорились вчера, что унесёшь Юлии Яковлевне книгу и возьмёшь у неё мой зонт. Она ждёт тебя ровно в час...

— Ой... Я совсем забыла. Может, потом?

— Потом она едет на дачу, ты же знаешь. И... в чём дело? Если ты собралась не к ней, то куда, скажи на милость?

— Да совершенно никуда...

— А к чему такой наряд?

— Разве нельзя одеться по-человечески?

— Гм... А всё-таки?

Иринка устала на часы и небрежно сказала:

— Так... Мальчик один придёт.

— Да? Любопытно, — произнесла Вера Вячеславовна и стала перебирать в серванте бокалы, стараясь показать, что не так уж ей любопытно. Потом всё-таки спросила:

— А что за мальчик? Из вашего класса?

Она тут же подумала, что вопрос этот смешной. Стала бы Иринка наряжаться ради одноклассников!

— Не из нашего... — откликнулась дочь. Помедлила и объяснила: — Мы вчера познакомились. В парке...

«Любопытно», — чуть снова не сказала Вера Вячеславовна, однако поняла, что это выдаст её растерянность. И спросила скучноватым голосом:

— Разве ты была вчера в парке? В такую-то погоду...

— А что погода? Прохладно, вот и всё, а дождя не было... Я хотела в тире пострелять, а тир закрыт был, я тогда пошла на аттракционы. Там такую новую штуку устроили: старинные автомобильчики по ухабам носятся... Так здорово!

— Не сомневаюсь, — откликнулась Вера Вячеславовна, у которой бешено кружилась голова от одного вида каруселей и качелей. — А при чём здесь мальчик?

— Как при чём? В автомобильчик надо по двое садиться, все парами идут, а я одна. И он один... Тётка там такая сердитая, покрикивает: «Ну, скоро вы? Занимайте места!» Он на меня посмотрел и говорит: «Пошли?» Я говорю: «Пошли». Ну и поехали... А это долгое катание. Минут пять мота-

ет вверх и вниз. Мы сидим и молчим. Потом он спрашивает: «Хочешь резинку? Мятную...» Я говорю: «Да нет, меня же не укачивает». А он: «Ну и что? Это не против укачивания, а просто так. Только у меня одна, давай пополам». Вытащил, порвал пополам вместе с фантиком. Ну, неудобно же отказываться... Сидим жуём. Не молчать же всё время, я и спросила: «Ты из какой школы?» Он говорит: «Ни из какой ещё, мы недавно приехали. А ты из какой?» Я сказала, что из четвёртой. Он спросил: «Тебя как зовут?» Я говорю: «Ира. А тебя?» — «Юра...» Вот и всё...

— Ну, наверно, не всё, — осторожно заметила Вера Вячеславовна. — Был, наверно, ещё разговор какой-то... Ты же пригласила его в гости.

— А, ну конечно! Мы потом ещё по парку ходили, я ему всё показывала, и мы про марки разговаривали. У него, оказывается, куча марок со зверями и рыбами. Вот мы и договорились, что он сегодня принесёт и покажет... В двенадцать часов.

— И про Юлию Яковлевну ты, конечно, не вспомнила...

— Мам, ну к ней же целый час ехать! А он придёт...

— Кто же виноват? — строго спросила Вера Вячеславовна, и, конечно, строгости у неё хватило лишь на этот вопрос. — Ну, ладно, придёт — подождёт. Что особенного?

— А если не дождётся? — жалобно спросила Иринка.

Вера Вячеславовна засмеялась:

— Я обещаю тебе, что живым его не выпущу. А ты поторопись.

Вера Вячеславовна заметила, что нетерпеливо поглядывает на часы. Рассказ Иринки о новом знакомом слегка обеспокоил её. Ей представился высокий длинноволосый мальчишка в растрёпанных снизу джинсах, полосатом свитере и почему-то непрерывно надувающий губами пузыри из жевательной резинки. Нет, не хулиган, конечно (с хулиганом Иринка не стала бы и разговаривать), но самоуверенный и с ленивыми размагниченными движениями. Это сейчас так модно! А Иринка готова подражать всем на свете...

Гость оказался точным: ровно в двенадцать деликатно тренькнул звонок. Вера Вячеславовна, пожалуй, чересчур торопливо открыла дверь.

— Здравствуйте. Ира здесь живёт?

Вера Вячеславовна улыбнулась. Улыбнулась про себя, но ласково и радостно. В дверях стоял Иринкин ровесник — стройненький, лёгкий, аккуратный. Даже растрёпанные, видимо от быстрой ходьбы, волосы и распахнутый воротник не нарушали этой аккуратности. Он смотрел снизу вверх на рослую хозяйку квартиры с лёгкой застенчивостью, но доверчиво — будто чувствовал заранее, что ему обрадуются.

Вера Вячеславовна улыбнулась уже открыто. Мальчик был как тонкий солнечный колосок. Солнце, казалось, не хотело расставаться с ним даже на затенённой лестничной площадке, задержало на мальчике свой свет. Наверно, так казалось из-за рубашки — она была цвета золотистой пшеницы. На ней искорками блестели латунные пуговицы.

Славная была рубашечка: подогнанная у талии, с погончиками, с пристроченной над кармашком шёлковой чёрной ленточкой, на которой были вышиты крошечные золотые буквы: «Windrose». И, любуясь мальчиком, Вера Вячеславовна поймала себя в то же время на практической мысли, что несколько лет назад не удержалась бы и спросила: «Где тебе мама купила такую?» Но теперь это ни к чему. Витюшка теперь носит не такие рубашки, и погоны у него потяжелее...

Вера Вячеславовна спохватилась, что несколько секунд молча разглядывает гостя.

— Да-да! Заходи, пожалуйста. Я послала Иринку по неотложному делу, но она скоро придёт. Она очень просила подождать...

— Ладно, — весело сказал мальчик.

Он легко ступил бело-коричневыми кроссовками на половик в прихожей, быстро огляделся, пристроил на полке с обувью жёлтую клеёчатую папку, которую до сих пор небрежно держал за уголок. Потом высоко поджал ногу и потянул шнурок.

— Нет-нет, не разувайся, — поспешно сказала Вера Вячеславовна. — У нас кавардак, уборка, я ещё полы не застелила.

Она пропустила мальчика вперёд, он шагнул в солнечную комнату и, конечно, сразу остановился. Так же, как все, кто первый раз видел «Путь в неведомое». Картина висела почти напротив двери, невысоко от пола, и походила на узкое окно, окружённое коричневыми лаковыми карнизами. На картине был стиснутый бесконечно высокими скалами пролив. Среди скал металась птичья стая, а по зеленоватой воде уходил корабль с тёмными, наполовину убранными парусами. Вода была гладкая, но от кормы бежал, расширяясь, змеистый след, и в нём извивалось отражение горящего кормового фонарика.

Сверху, из-за скал, вырвался плоский луч, а впереди — по свету на камнях и бликам на воде — угадывалась солнечная щель, выход из каменного коридора...

Те, кто входил в эту комнату впервые, всегда останавливались. Но смотрели на картину по-разному. Одним хватало нескольких секунд, кое-кто стоял долго и разглядывал внимательно, а иные тут же начинали расспросы. Мальчик замер и тихонько сказал:

— Ой...

И смотрел не отрываясь, пока Вера Вячеславовна не окликнула:

— Садись вот сюда, в кресло... Чем бы пока тебя занять?

Мальчик очнулся.

— Не надо меня занимать, — проговорил он почти испуганно. — Я просто так посижу. Посмотрю...

Он присел на краешек старого громадного кресла, повёл глазами по стенам. На стенах были и другие картины: «Осень в старом городе», «Утренний берег», «Дождь на Театральной площади»... А ещё были часы с маятником, похожим на круглый рыцарский щит, с медным солнцем и месяцем, которые тихо двигались вокруг эмалевого циферблата (когда-то часы висели ещё у Иринкиной прабабушки; теперь они отставали за час на десять минут, но гость, разумеется, этого не знал).

— Ладно, посиди, — сказала Вера Вячеславовна. — А я пока повешу это сооружение.

«Сооружением» был плоский глиняный горшок с плетями ползучих растений, только вчера купленный в цветочном магазине. Горшок назывался «кашпо» и подвешивался на стену. Для этого к нему прикреплялась длинная медная цепь. Чтобы горшок повис на нужной высоте, гвоздь следовало вколотить у самого потолка.

Вера Вячеславовна надела очки и нацеленным взглядом стала отыскивать под потолком нужную точку.

Тогда мальчик сказал то, что она, по правде говоря, и ожидала:

— Давайте я помогу.

— Помоги. А то мне при моих размерах опасно прыгать по столам...

Они подтянули к стене полированный обеденный стол, мальчик опять хотел сбросить кроссовки, но Вера Вячеславовна сказала, что не надо, и постелила на стол газету. Мальчик вспрыгнул на него, ухватил молоток и гвоздь, вопросительно оглянулся.

— Стенка мягкая, деревянная, — объяснила Вера Вячеславовна. — Только вбить надо повыше, где кромка обоев. Дотянешься?

Он потянулся вверх изо всех сил, приставил гвоздь.

— Так хорошо?

— Очень хорошо. Вобьёшь?

— Главное — с первого раза попасть по шляпке, а не по пальцам, — весело объяснил мальчик. Стукнул и попал по гвоздю. И бойко заработал молотком.

Стенка оказалась не такой уж мягкой, гвоздь шёл с трудом. Колотить, стоя на цыпочках, было тяжело.

— Отдохни.

— Да нет... Ничего...

Вера Вячеславовна с непонятным беспокойством смотрела, как машет молотком тонкая рука, вздрагивают на воротнике колечки каштановых волос, ходят под рубашкой крылышкилопатки. Мускулы на худых мальчишкиных ногах натянулись